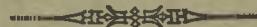


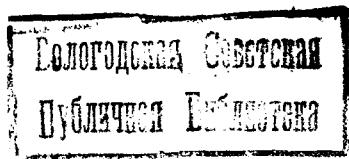
91/с12/1
А64
Р118867

Англичанинъ
о Русскомъ Сѣверѣ.



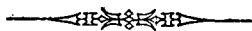
АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1914.

ЗДАЧА 29/10/11



Англичанинъ

о Русскомъ Сѣверѣ.



АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1914.

g₁(e12)

A 64

Англичанинъ о Русскомъ Съверѣ*).

X. Обѣдъ на десять персонъ.

Квартира въ Новинкахъ стоила мнѣ только полтинникъ въ недѣлю. Мнѣ поставили столы, стулья, кровать; самоваръ подавался во всякое время по моему желанію; я могъ пользоваться и кухонной печкой, когда приходила моя очередь готовить обѣдъ. Въ придачу ко всему, въ праздничные дни хозяйка угощала меня ватрушками: какъ видно, полтинникъ здѣсь былъ крупной монетой.

Дѣйствительно, деньги въ этихъ мѣстахъ очень рѣдки. Крестьяне богаты, но все богатство ихъ заключается въ имуществѣ. Въ каждомъ домѣ масса цѣнныхъ вещей, по ни у кого не найдется денегъ, чтобы купить ихъ. Дома—двухъэтажные; вездѣ вы увидите коровъ, овецъ, мѣха, мебель, вышитую одежду, но все это не покупное, а накопленное личнымъ трудомъ. Если бы опустошить кошельки даже цѣлой деревни, и то, думается мнѣ, съ трудомъ можно было бы набрать одинъ суверенъ.

Итакъ, за комнату я платилъ 50 копеекъ. Эти деньги я отдавалъ старухѣ, тещѣ моего хозяина: самъ онъ могъ бы въ одинъ прекрасный день отправить ихъ въ „казенку“. И самъ хозяинъ и его жена находились въполномъ подчиненіи у старухи, которая твердой рукой направляла всѣмъ хозяйствомъ.

Она хотѣла было проявить и надо мной свою власть, особенно въ дѣлѣ приготовленія обѣда, но я оказался очень упрямымъ. Она разбудила меня въ три часа утра, безцеремонно, безъ всякихъ разрѣшеній входя въ мою комнату и тряся расшатанную кровать.

„Пора варить мясо“, проговорила она: „пора идти за яйцами“. „Уходите, глупая старуха“, отвѣчалъ я. „Оставьте меня въ покоѣ“.

„Но пора идти и позаботиться о маслѣ для обѣда. Вѣдь, если все го не заготовить раньше, то потомъ будетъ уже поздно“. „Хорошо, хорошо, хорошо!“—повторилъ я.

Старуха вышла, а я продолжалъ лежать. Черезъ нѣкоторое время я услыхалъ ся голосъ около моего окна. „Нуки, нуки, нуки“, звала она коровъ, выгоняя ихъ на пастбище.

Затѣмъ я услыхалъ звонъ самовара на моемъ столѣ. И снова задремалъ. А самоваръ дымился, бурлилъ и шипѣлъ, словно таинственно звалъ къ приготовленію чая. „Самоваръ“—это сосудъ для чая, внутри которого находится жаровня, наполняемая углами; когда угли разгораются, вода закипаетъ, и паръ съ шумомъ вырывается изъ-подъ крышки, иногда даже приподнимая ее. Благодаря жаровнѣ, вода въ самоварѣ сохраняется горячей въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

*.) Переводъ А. Воскресенского съ англійской книги: „Undiscovered Russia“ Stephen Graham. См. №№ 6, 11, 15, 21 „Извѣстій“ за 1913 г. Ред.

Наконецъ, надо было вставать. Я напился кофе, съѣль ломоть-ржаного хлѣба съ масломъ и принялъ кормить голубей и воронъ, слетѣвшихся къ моему окну. Затѣмъ, иодь предлогомъ сходить въ сельскую лавчонку, я отправился на рѣку купаться.

На дорогѣ миѣ встрѣтился младшій братъ А. С.; онъ не былъ ссыльнымъ, но приѣхалъ въ Лявлю погостить на лѣтнія каникулы.— Онъ былъ страстный любитель всевозможныхъ приключений. Перемахнувъ черезъ заборъ—только крестьяне отодвигаютъ засовы—мы бросились черезъ ячменное поле къ высокому глинистому берегу Сѣв. Двины и, перепрыгивая съ кочки на кочку по обрывистому скату, спустились къ рѣчкѣ. Здѣсь было единственное удобное мѣсто для купанья на нашемъ берегу. Поэтому почти всѣ предпочитали бѣдить купаться на острова, располагаясь—мужчины въ одномъ мѣстѣ, женщины въ другомъ, метровъ па 100 ниже по берегу.

У, какъ холодно! Но въ водѣ тепло. Вода въ Двинѣ всегда теплѣе воздуха. Рѣка—глубокая, и волны, какъ на морѣ, свободно катаются по ея поверхности, то приподнимая, то опуская ее. Дно рѣки или песчаное или илистое, вязкое; темная тѣни, неподвижно стоящія въ теченіе цѣлаго дня въ прозрачной водѣ, указываютъ мѣста предательскихъ ямъ. Мой сотоваріщъ, Всева, очень остерегался, какъ бы не соскользнуть въ ихъ глубину.

Такъ какъ мы пришли безъ полотенецъ, ждать же, пока обсохнемъ, было очень холодно, то мы тотчасъ же послѣ купанья накинули на себя одежду и обсушивались, какъ могли. И въ концѣ-концовъ, на дѣвѣ платѣ, мы почти въ ту же минуту забыли, что недавно были совсѣмъ мокрые.

Въ двѣ минуты мы взобрались наверхъ и принялись искать землянику для третьяго блюда къ обѣду. Казалось, эти солнечныя мѣстечки особенно были подходящи для землянки, по всего-на-всего мы набрали штуку семь ягодъ.

Надѣ нашими головами, щебечѣ и чиркаю, носились сотни стрижей, преимущественно недавно оперившихся. Весь глинистый берегъ былъ изрытъ отверстіями. Однѣ птицы влетали туда, другія вылетали. Мы остановились на уровнѣ этихъ гнѣздъ и пытались просунуть свои толстяя руки въ маленькия отверстія; въ одномъ гнѣздѣ намъ удалось сдѣлать это, и тогда вдругъ черезъ наши пальцы одинъ за другимъ вылетѣли изъ отверстія три маленькихъ стрижа. Всева былъ въ восторгѣ; онъ рѣшилъ остатся здѣсь и ловить стрижей.

У меня же на совѣsti лежалъ обѣдъ на десять персонъ, и я покинулъ его. Было только 9 часовъ, такъ что впереди оставалось достаточно времени. Я отправился въ маленькую лавочку посмотретьъ, нельзя ли тамъ чего купить. Когда я окидывалъ взглядомъ все содержимое лавочки, женщина съ заботливымъ видомъ старалась завернуть полтора фунта рису въ два распилитые листочки ученической тетрадки. „Что это такое?“—спросилъ я, указывая на маленькие пакетики, на которыхъ стоялъ ярлычекъ „Сушеныя винные ягоды въ порошкѣ“.

„Это“, отвѣтила она, „это употребляютъ вмѣсто чаю. Очень стариya бабушки, бѣдныя старушки пьютъ это. Пакетикъ стоить 4 копейки“.

„А! А это что?“

„Сушеныя овощи“, баринъ: капуста, рѣпа, порей, сельдерей, цвѣтная капуста, горошекъ. Все это для супа. Вы видите, все нарѣзано мелко. Здѣсь овощи плохо растутъ—земля слишкомъ неудобна, слишкомъ песчана, и морозъ губить ихъ“.

„Дайте мнѣ полфунта“.

Она отсыпала мнѣ полфунта въ листокъ тетради, на которомъ виднѣлись ариѳметическія вычисленія.

„Откуда вы достаете эту бумагу?“ спросилъ я.

„Отъ оптоваго купца, который пріѣзжаетъ сюда разъ въ гдѣ“, любезно отвѣтила женщина. „Онъ привозитъ мнѣ также сто фунтовъ баранокъ, повѣшеннѣхъ на веревкѣ, какъ луковицы, а я держу ихъ въ кладовой“.

„Полфунта манихъ крупы, полфунта муки“... продолжалъ я, и она спѣшила отвѣтить мнѣ все завертывая въ тетрадочные листы.

„Четверть фунта изюма. А яйца у васъ есть?“

„Нѣтъ, баринъ. Но вчера па баржѣ пріѣхалъ изъ Архангельска человѣкъ съ яйцами. Можетъ быть, онъ и сейчасъ стоитъ еще внизу у берега“.

Въ Архангельской губерніи не держать курь,—вѣроятно, потому, что зима здѣсь очень сурова.

„Дайте мнѣ полфунта соли и полтора фунта мелкаго сахара. А это что за листья?“

„Ихъ покупаютъ для запаху“.

„Позвольте мнѣ на копейку“. Женщина дала мнѣ три листка.

„Больше ничего?“

„Ничего“.

Женщина принялась считать на счетахъ, сколько я долженъ былъ заплатить ей. Я задалъ ей трудную задачу, и она чувствовала себя совершенно растерянной. Три раза принималась она за счетъ и все неудачно. Она вообразила, что обсчитала себя на 20 копеекъ. Наконецъ, я счѣль ей.

Затѣмъ стала передъ нами задача болѣе серьезная, чѣмъ съ деньгами—какъ собрать всѣ эти мѣшечки, изъ которыхъ сыпалось содержимое. Рисъ едва держался, сахаръ понемногу сыпался черезъ маленькие конусики на прилавокъ, къ маний крупѣ надо было прикасаться съ величайшей осторожностью.

Лавочница стояла въ полномъ недоумѣніи. Вдругъ она радостно воскликнула: „Слава тебѣ, Господи!“—Въ углу лавки нашелся большой пакетъ.

„Я одолжу вамъ его“, сказала она—„только вы должны вернуть его обратно“.

На самое дно пакета мы уложили упрямый рисъ, на него иѣжную маниную крупу, затѣмъ угрожающіе разсыпаться муку и сахаръ, сверху уѣвчили все изюмомъ.

„Спасибо“, сказалъ я. „Соль я положу въ каѳманъ, а лавровый листъ въ футляръ для визитныхъ карточекъ. Досвиданія! Пакетъ, разумѣется, я принесу вамъ обратно“.

„Будьте здоровы!“

Я двинулся въ путь и, подойдя къ своей квартирѣ, положилъ свои покупки въ комнату черезъ透过ное окно. Я боялся встрѣтиться лицомъ къ лицу съ деспотической бабушкой, ибо мое отсутствие продолжалось слишкомъ долго. Нужно было еще купить картофель—за нимъ пришлось ходить отъ дома къ дому. Искать я и масла, по старушки говорили мнѣ: „отправляйся назадъ и принеси тарелку, куда бы можно было положить его“.

Я купилъ на гриденникъ картофель величиной съ небольшой шарикъ и положилъ его въ корзинку, сплетенную изъ березовой коры.

Также досталъ я и полдюжины яицъ у старика, который на карбасѣ развозилъ городскіе продукты по деревнямъ.

Когда я вернулся, бабушки не было дома. Первымъ дѣломъ я взялся за мытье риса. Сдѣлавъ это, я наполнилъ молокомъ глиняный горшокъ, насыпалъ туда рису, полфунта сахару, накрылъ горшокъ каменной крышкой и поставилъ его въ глубь громадной кухонной печи. Затѣмъ я началъ чистить картофель единственнымъ въ цѣломъ домѣ ножемъ. Что это было за занятіе! Желалъ бы я знать, когда же наконецъ, явится на помощь ссыльные. Вчера все дали обѣщаніе помочь мнѣ.

Вошла бабушка и задала мнѣ сильный „нагоняй“.

„Гдѣ вы были? Теперь не ждите, что обѣдъ поспѣть вовремя. Что это за дрянь?—рисъ? онъ подгораетъ; нужно мѣшать его все время“.

Я вновь налилъ въ горшокъ молока и принялся опять чистить картофель. „Вотъ, положите это въ супъ“, сказалъ затѣмъ я, подавая старухѣ сушеныхъ овощей.

„Мясо сперва!“—крикнула сердито бабушка.

„Мяса нѣть“.

„Что—о?

„Нѣть. Нѣть мяса“.

„Вы не можете приготовить супъ безъ мяса“.

„Я вамъ приготовлю супъ изъ гвоздя, возразилъ я, если вы прибавите туда немного соли, муки, ну и еще кое-чего“.

Старуха уставилась на меня, постояла пѣсколько мгновеній и затѣмъ не проговорила уже ни слова.

Къ счастью, нашлась горячая вода. Я наполнилъ ею огромный коммунальный котель, опустилъ туда одну за другой картофелины, а затѣмъ прибавилъ овощей, лавроваго листу, маныхъ крупы, полную ложку муки и ложку соли.

Бабушка стояла подлѣ и въ ужасѣ всплескивала руками. Пришелъ малчикъ и принесъ немного грибовъ—я положилъ ихъ въ котель. Рисъ уже сталъ набухать—пришло подлить еще молока. Я пошелъ мыть изюмъ. Ягодки изюма были до такой степени грязны и клейки, что английскому читателю трудно и вообразить это. Послѣ пятиминутныхъ усилий, обмывая каждую ягодку отдельно и отрывая вѣточки, я на время бросилъ свою работу и отправился за масломъ, на этотъ разъ уже захвативъ съ собой тарелку. Вернувшись, я засталъ бабушку за мѣшаниемъ моего риса. Я подлилъ въ него молока и положилъ четверть фунта масла. Другая четверть пошла на супъ. Затѣмъ, разбивъ одно за другимъ шесть яицъ, я взбилъ ихъ на блюдечкѣ единственной въ домѣ вилкой и вылилъ все въ рисъ. Старушка вздохала. Она никогда не клала яицъ въ калпу: они могли только испортить ее. Когда же я началъ сыпать изюмъ, бабушка проговорила: „Да, вѣдь, это кутья. Мы ёдимъ ее только въ новинковые дни“.

„Нѣть, отвѣтилъ я“. „Это только английскій способъ приготовленія рисового пудинга. Вы никогда не кладете ни яицъ, ни масла, ни сахара, ни ягодъ,—въ этомъ вся разница—and потому пудингъ выходитъ лучше. Вы сами это увидите“. Повидимому, она не поняла: я слышалъ, какъ она сказала своему зятю, что я приготовилъ рисовую кашу китайскимъ способомъ.

Я наконецъ окончилъ промываніе изюма и всыпалъ его въ пудингъ. Жаръ въ печкѣ сталъ ослабѣвать, и рисъ пересталъ кипѣть и

медленно разварился. Я снова накрыл горшок каменной крышкой и при помощи длинного ухвата задвинул его в глубь печки.

Все шло хорошо: я вымель соръ въ комнатѣ, выдвинулъ на середину комнаты столъ и покрылъ его двумя листами газеты „Новое Время“ и „Daily News“, единственной английской газеты, которую я получалъ во время съвернаго путешествія. Эти листы должны были служить скатертью. Бабушка принесла три тарелки и миску; затѣмъ она достала б деревянныхъ ложекъ. Все это я разложилъ на столѣ. Насыпавъ въ крышку кофейника сахару, а въ старый конвертъ соли, я принесъ для компаніи двѣ лавки и собралъ всѣ книги, которыхъ я нашелъ у себя въ комнатѣ, чтобы занять своихъ гостей въ ожиданіи обѣда. Оставалось только отправиться въ деревню на поиски ложекъ и тарелокъ. А. С. далъ мнѣ дюжину бумажныхъ салфетокъ и пару ложекъ, а среди остальныхъ ссылочныхъ я нашелъ всѣ столовыя принадлежности, необходимыя для полної сервировки.

Между тѣмъ супъ и рисъ варились.

Вернувшись домой, я засталъ компанію наполовину уже собравшейся; между прочимъ Н. Г. принесъ съ собой четыре фунта коммунального чернаго хлѣба. Это было весьма кстати, такъ какъ хлѣба-то я и забылъ заготовить. У бабушки достали двѣ крышки молока и пол-фунта сметаны—русскіе любятъ употреблять сметану при супѣ. Всѣ разсыпались и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія первого блюда.

Маленькое промедленіе! Я снялъ крышку съ котла и заглянулъ. Супъ покрылся глянцемъ, что привело всю компанію въ изумленіе. Я попросилъ одну изъ дамъ разливать супъ и вручилъ ей огромную коммунальную ложку.

„Ого!“—сказалъ Г. „Густо“.

Дѣйствительно, супъ былъ очень густой, чуть ли не твердый и необыкновенно питательный. Ссылные расхохотались и зааплодировали. а дамы воскликнули:

„Охъ, мистеръ!“—и засились смѣхомъ.

Каждый сталъ отгадывать, что могло быть въ супѣ. Но никто не подумалъ о маниныхъ крупахъ, а между тѣмъ это онѣ такъ сгостили супъ и сдѣлали изъ него, такъ сказать, сгущенную смѣхъ всевозможныхъ овоющѣй. Я замѣтилъ, какъ литовецъ К. внимательно разглядывалъ два лавровыхъ листа, случайно ему попавшіеся, а В. С. напрасно думала надъ кускомъ гриба, что бы этакое было: рыба или овоющъ.

Всѣ, однако, ъли съ удовольствіемъ, а одинъ или двое попросили даже во второй тарелкѣ. Я былъ поконенъ, ибо зналъ, что второе блюдо будетъ верхомъ кулинарного искусства.

Я держалъ его пазваніе подъ большимъ секретомъ, но послѣ много-кратныхъ вопросовъ произнесъ: „Англійскій пудингъ“, и это вызвало большое возбужденіе. Всѣ начали восклицать: „пудингъ, пудингъ“, произнося конечное г.—такъ, какъ если бы въ немъ заключался ключъ къ разгадкѣ.

Наконецъ, пудингъ появился, держа высоко голову, и былъ установленъ посреди стола. На верхушкѣ его красовалась желтая соблазнительная корка, усыпанная изюмомъ, сверкавшимъ на ней подобно драгоценнымъ камнямъ, и весь онъ сиялъ, какъ королевская дочь.

Помимо того, что онъ былъ красивъ, выше всякихъ похвалъ, я сдѣлать его громадное количество. Пудингъ вызвалъ всеобщее удивленіе, и А. С. заявилъ даже, что я почти склонилъ его къ вегетаріанству.

После обеда появился самоварь, и мы принялись за чаепитие. А затем некоторые изъ ссыльныхъ стали просить бабушку разбрѣшить имъ повалиться немнога на сѣйчъ на „повѣтяхъ“. Всева выпустилъ пять стрижей, которыхъ онъ держалъ подъ рубашкой, и они залетали по комнатѣ. Я предложилъ старушкѣ тарелку рисового пудинга, но она заявила, что отложить его до завтрашняго дня, такъ какъ теперь не голодна.

Остатками супа мы накормили голодныхъ деревенскихъ собакъ, у которыхъ вороны, прыгающія передъ самымъ посомъ, поровили стащить куски.

В. вызвалаась помочь мнѣ перемыть посуду, но бабушка нашла, что это не нашихъ рукъ дѣло. Эта работа входила также въ кругъ тѣхъ хозяйственныхъ обязанностей, которая оплачивались моимъ полтинникомъ въ недѣлю. В. обратилась ко мнѣ: не пойду ли я вечеромъ на свадебную процессію къ дому Василія Васильевича.

Я утвердительно кивнулъ головой.

XI. Деревенская свадьба.

Вечеромъ мы собрались въ квартирѣ Василія Васильевича въ деревнѣ „Зачапино“. Здѣсь завтра должна была быть свадьба. Женихъ жилъ въ томъ же самомъ домѣ, где и Василій Васильевичъ, и отецъ жениха устраивалъ угощеніе на цѣлыхъ три дня. Гости собирались со всей округи и размѣстились у сосѣдей. Водка и пиво играли въ празднествѣ, такъ сказать, главную роль. Василій Васильевичъ отвелъ меня въ сторону чтобы показать мнѣ интересное зрѣлище: въ комнатѣ, помѣщавшейся особнякомъ, весь полъ былъ заставленъ разнообразными бутылками съ водкой—цѣлыхъ четверти водки. Откупорить ихъ можно было только послѣ свадьбы, и теперь водка была заключена въ нихъ подобно вѣтрамъ въ мѣшкахъ Эола. Завтра и въ теченіе трехъ дней послѣ свадьбы влияниѳ этихъ бутылокъ проявится по всей Зачанинской улицѣ. Семейство жениха принадлежало къ богатѣйшимъ во всей окрестности, и на водку пошли сбереженія многихъ лѣтъ.

Въ маленькой комнатѣ настѣ собралось человѣкъ двѣнадцать. Василій Васильевичъ устроилъ чай, а мы иѣли иѣси. Л. А., бывшій ссыльный, прѣѣхавшій изъ Архангельска, игралъ на скрипкѣ. Л. А. былъ одинъ изъ тѣхъ, кто такъ сильно полюбилъ страну изгнанія, что остался въ ней даже и тогда, когда окончился срокъ его ссылки. Теперь мнѣ странно вспоминать игру на скрипкѣ въ ту ночь: я единственный разъ тогда видѣлъ этого человѣка, но лицо его отчетливо запечатлѣлось въ моей памяти, хотя мнѣ и не понравилась его личность. Теперь я знаю, что я никогда, даже случайно, какъ въ тотъ вечеръ, не увижу его: скоро послѣ того, какъ я покинулъ Лявлю, онъ печально застрѣлился себя изъ ружья.

Съ нетерпѣніемъ ожидая вечерняго гулянья и свадебной церемоніи, мы, чтобы убить время, стали развлекать себя всевозможными глупостями: подражали музыкальнымъ инструментамъ, лаю собакъ, мяукаю кошечкѣ. Студенты во всемъ мірѣ одни и тѣ же.

Затѣмъ мы вышли изъ дома и играли въ горѣлки; утомившись, сѣли на бревна и вновь занялись музыкой. Затѣмъ выступили на сцену танцы: барышни и босоногіе кавалеры протапцевали польку и вальсъ. А. Переялѣтчиковъ отыгнись съ В. С. „камаринскаго“. Это было самое восхитительное зрѣлище, какое я когда-либо видѣлъ. „Камаринскій“ скорѣе цѣлый балетъ, чѣмъ отдѣльный танецъ. Засунувъ большіе пальцы за поясъ и оттоныривъ остальные, отклонивъ немнога назадъ голову,

ву, Нереплетчиковъ, подмигивая глазами и строя своимъ подвижнымъ лицомъ всевозможныя гримасы, началь переступать ногами. В. С., уставивъ руки въ бока, проводила женскую партю: то скромно, то вызывающе она приближалась и отступала. Всякій, кто видѣлъ въ Лондонѣ русские народные танцы, можетъ себѣ представить, на чѣ это было похоже: забавные шаги, пожиманіе плечами, рѣзкія порывистыя тѣло движенія. Русские національные танцы грубы, но русскіе любятъ ихъ.

Скоро начали показываться на улицѣ группы гуляющихъ. Стояла прекрасная „бѣла ночь“, ласково теплая, прямо идеальная для гулянья. Первыми появились лѣвушки и стали собираться сперва въ небольшія кучки въ два—три, а потомъ въ шесть—семь человѣкъ. Съ пѣніемъ и притворно голоса и плача, двинулись онѣ вокругъ деревни, все увеличиваясь въ числѣ, пока не выросли въ большую толпу.

На женщинахъ были надѣты кричащія платья, которыхъ никоимъ образомъ не служили для украшенія, а имѣли единственную цѣль—показать, что ихъ обладательницы богаты. Если кто имѣлъ новое пальто, одѣвалъ его, хотя бы и стояла жаркая погода, а обладательницы ботикъ и калоши носили ихъ даже и тогда, когда земля была совершенно суха.

Женщины держали въ рукахъ дождевые и солнечные зонтики, хотя на дворѣ стояла ночь, а о дождѣ и помину не было. Большинство старухъ были разряжены въ старины костюмы не потому, что были стары или разборчивы, но потому, что эти костюмы были лучшіе, что онѣ могли одѣть. Видѣть на старухахъ блестящіе старомодные костюмы казалось очень страннымъ, почти всѣ эти старушки были уже замужемъ и никоимъ образомъ не могли думать о ирельщеніи молодыхъ людей. Но, помимо всего, эти холщевыя ручной работы и великолѣпно вышитыя платья поражали своей красотой. Каждая женщина носила на головѣ маленькую шапочку, похожую на красиво разубранный колпакъ; шапочка была унизана бисеромъ и блестящими шелковыми нитями. Юбки, сшитыя на подобіе англійскихъ дѣтскихъ, держались при помощи узкихъ полосокъ, перекинутыхъ черезъ плечи. Короткія кофты, состоянія чуть ли не изъ однихъ рукавовъ, едва закрывали грудь, а поверхъ всего были накинуты яркія цвѣтины пакидки съ отверстіями для рукъ.

Процессія называется „гуляньемъ“; она предшествуетъ свадьбѣ и сопровождается ею—впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если мужчины довольно крѣпко стоять на ногахъ, чтобы провожать женщинъ. Гулянья устраиваются въ честь невѣсты, а вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ удобнымъ случаемъ для заключенія новыхъ помолвокъ. Молодой парень встрѣчается здѣсь съ дѣвушкой, которая понравилась ему на гулянѣ въ другой деревнѣ. Удобство гуляній заключается въ томъ, что на этихъ свадебныхъ процессіяхъ вы легко можете встрѣтить подходящую пару, если не найдете ея среди вашихъ знакомыхъ. Всѣ дѣвушки горятъ нетерпѣніемъ выйти замужъ, и молодые люди получаютъ отказъ на свое предложеніе только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Дѣвушки даже сами дѣлаютъ попытку въ этомъ родѣ и частенько подлаживаются къ опытнымъ старухамъ съ просьюбой устроить вечеринку съ молодыми людьми. Эти женщины представляютъ изъ себя совершенно особый типъ, весьма распространенный на Русскомъ Сѣверѣ; называются онѣ—„свахи“*). Сваха по своему темпераменту и по характеру

*.) Авторъ по ошибкѣ называетъ ихъ „свахинами“.

Прил. перев.

наиболѣе подходитъ къ типу „новитухи“. Одинъ взглядъ на ея физіономію достаточно ясно скажетъ вамъ, что она знаеть „слишкомъ много“.

Какъ и на праздникъ Ивана Купалы въ Кехтѣ, такъ и теперь въ Зачапинѣ дѣвушки толпой ходили по улицѣ, выставляя напоказъ свои наряды—не прельстится ли кто изъ молодыхъ людей.

Хозяинъ дома, гдѣ А. С. снималъ квартиру, женился на дѣвушкѣ, которой онъ до свадьбы ни разу и не видѣлъ. Все дѣло устроили сваты. Въ домѣ нужна была женщина, и онъ попросилъ отыскать какую-нибудь подходящую.

До 11 часовъ мы наблюдали гулянье, а затѣмъ я простился съ Вас. Вас. и съ остальными и направился по обрыву рѣки посмотретьъ на заходъ солнца. Весь горизонтъ сверкалъ нуршуромъ, а по двинскимъ волнамъ бѣжали малиновая пятна.

Невѣста должна была прибыть завтра на лодкѣ съ своими родственниками, семейными иконами и приданымъ. Поэтому, я заблаговременно явился на берегъ, чтобы видѣть встрѣчу. Дулъ свѣжий вѣтеръ, поднимая по Двинѣ сильные волны, и лодка, наѣдясь болѣе на паруса, чѣмъ на гребцовъ, очевидно, не рѣшалась при такомъ вѣтрѣ пуститься въ плаваніе. Мы прождали ее все утро. Небо было покрыто облаками, но я все же приготовилъ свой „кодакъ“, надѣясь сфотографировать встрѣчу.

Наконецъ, свадебный поѣздъ прибылъ. Впереди выступали родители невѣсты, неся въ рукахъ свернутое свадебное постельное бѣлье, а за ними родственники съ большими сундуками, въ которыхъ было уложено приданое невѣсты. Далѣе шли женщины съ иконами и со свѣчами и, наконецъ, сама невѣста, заплаканная, съ робкимъ, покраснѣвшимъ лицомъ, сгорбившаяся подъ тяжестью иавѣшанныхъ на нее юбокъ.

Для жениха и невѣсты былъ заложенъ самый лучшій во всей деревнѣ экипажъ. Женихъ вышелъ впередъ, чтобы довести свою невѣсту до новозки. На лошади блестѣла яркая упряжь, взятая напрокатъ специально для этого случая. Я сказалъ, что снимаю ихъ, и вся процессія выстроилась на минуту на берегу, а затѣмъ направилась въ церковь, сопровождаемая толпой деревенскихъ любопытныхъ.

Священникъ уже ожидалъ ее, и церковь была переполнена пародомъ. Экипажъ остановился у дверей церкви, и женихъ съ невѣстой, освободившись отъ лишней одежды, прошли на середину; началась свадебная служба: вѣнчаніе и благословеніе.

Затѣмъ молодые въ сопровожденіи односельчанъ отбыли въ домъ мужа, въ Зачапино. Василій Васильевичъ уступилъ свою комнату, и весь домъ былъ полонъ гостей. Накрыты столы, приготовлено домашнее пиво, бутылки съ водкой откупорены...—и праздничная пирушка начаилась.

Рано утромъ на слѣдующій день я отправился выпить за здоровье молодыхъ и пожелать имъ счастья. Изъ оконъ несся шумъ безудержнаго празднества. Мужъ встрѣтилъ меня на порогѣ и поздоровался со мною: видимо, онъ былъ очень польщенъ моимъ посѣщеніемъ. Онъ крѣпко стоялъ на ногахъ и, если бы не слишкомъ красная пятна на щекахъ, ничто въ немъ не указывало бы на безсонную ночь, проведенную за столомъ. Насколько я понялъ, жена его отправилась спать рано, не будучи въ состояніи въ виду усталости принять участіе въ шумномъ весельѣ.

Пьянство, пѣніе и танцы продолжались всю ночь, что было не безвыгодно для молодой пары, такъ какъ всякий, пившій за здоровье молодыхъ, обязанъ былъ приподнести имъ свадебный подарокъ.

Миѣ подали стаканъ пива. Я перекрестился на иконы и пожелалъ новобрачному счастью, кучу дѣтей—все сыновей, и всякаго благополучія.

Въ это время ко мнѣ подошелъ отецъ новобрачнаго, держа въ рукахъ огромный мѣшокъ. Старикъ былъ совсѣмъ пьянъ. Онъ указывалъ мнѣ на мѣшокъ, намекая, что теперь была моя очередь положить туда подарокъ.

“Теперь вали чередъ“, сказалъ онъ.

“Что это за вещи набрали вы, дядя?“—спросилъ я, заглядывая въ мѣшокъ.

Тамъ въ страшномъ безпорядкѣ были перемѣшаны: глиняная посуда, шкурки, мука, деньги, полдюжины водочныхъ стакановъ, нѣсколько кружекъ изъ бересты, битая птица, тофоръ.

“Это уже второй мѣшокъ“, съ улыбкой сказалъ мужъ.

Я бросилъ туда рубль.

А затѣмъ, еще разъ пожелавъ счастья хозяину, я простился съ нимъ и, осторожно шагая черезъ тѣла тѣхъ, кто въ состояніи крайняго опьяненія растянулся на полу, вышелъ изъ дома и поспѣшно направился къ квартирѣ А. С., где меня ждалъ кофе.



56

п. 53 г.

65

